

Вэнь Шичу всегда был с ней предельно искренен и предан, но она всю жизнь видела в нём лишь старшего брата, близкого друга, которому можно довериться, и никогда не отвечала на его чувства.

А теперь она собирается использовать эту глубокую привязанность, чтобы заставить его совершить преступление, караемое казнью девяти поколений — обман императора. Если правда вскроется, им обоим не избежать смерти.

Но на кону жизнь отца, на кону надежды всей семьи Чжэнь. У неё нет другого пути.

Все эти разговоры о долге государя и подданного, о чистоте репутации, о гордости и достоинстве — всё это не стоит ничего перед лицом жизни близких. Она когда-то презирала путь использования детей для укрепления положения и гнушалась грязными интригами, но теперь это единственная соломинка, за которую она может ухватиться.

Чжэнь Хуань глубоко вздохнула, медленно поднялась с пола и подошла к бронзовому зеркалу.

В этот раз она ставит на кон всё: чувства Вэнь Шичу и этого ещё не рождённого ребёнка.

— Лючжу, — Чжэнь Хуань повернулась, её голос звучал пугающе спокойно, без малейшей дрожи, — завтра, когда господин Вэнь придёт проверять пульс, выстави всех, стой у входа в покои и никого не пускай. Мне нужно поговорить с господином Вэнь наедине.

Лючжу замерла, вглядываясь в невиданную доселе решимость в её глазах, и вмиг всё поняла. Лицо служанки мгновенно побледнело:

— Ваше Величество... что... что вы хотите сделать? Этого нельзя допускать! Если правда откроется, это преступление, за которое полагается смертная казнь!

— Нельзя допустить? — Чжэнь Хуань горько усмехнулась. — Мой отец скоро умрёт в Нингуте, я заперта в этом холодном дворце, где жизнь хуже смерти. Разве может быть что-то хуже этого? У меня нет иного пути.

Я должна забеременеть. Только наследник престола сможет спасти меня и семью Чжэнь. А человек, который может мне в этом помочь, — только Вэнь Шичу.

Лючжу задрожала всем телом. Глядя на свою госпожу, она поняла, что та приняла твёрдое решение, и отговорить её уже невозможно. Служанка бухнулась на колени и со слезами проговорила:

— Моя жизнь принадлежит вам, госпожа. Что бы вы ни задумали, я буду рядом. Даже если мы обречены на вечные муки, я приму это.

Когда Вэнь Шичу вошёл во дворец с аптечкой за плечами, от него всё ещё веяло утренней прохладой. Последние два месяца он приходил сюда каждые три дня, чтобы проверить пульс Чжэнь Хуань и принести отвары для укрепления здоровья — слуги давно привыкли к этому.

Но сегодня, войдя в покои, он увидел Цзинь Си, стоявшую у входа. Увидев его, та тихо

проговорила:

— Господин Вэнь, госпожа ждёт вас внутри. Она велела впустить только вас.

Вэнь Шичу смутно догадывался, к чему это, но всё же кивнул, передал аптечку слуге и в одиночку толкнул дверь в личные покои.

Внутри не было зажжено ни одной лампы, горела лишь лампада перед буддийским алтарём. Чжэнь Хуань в простом монашеском одеянии стояла на коленях на подушке, повернувшись к нему спиной.

— Брат Шичу, — позвала она, голос её был спокоен и лишён тени волнения.

Вэнь Шичу поспешно поклонился:

— Ваше Величество, пора проверить пульс, я...

— Не нужно, — прервала его Чжэнь Хуань. Она медленно поднялась, подошла к нему шаг за шагом и прямо посмотрела в глаза. — Брат Шичу, я позвала тебя сегодня не ради медицины. Я хочу попросить тебя об одном одолжении. О том, что может спасти меня, спасти всю мою семью, но может привести и к твоей гибели.

Сердце Вэнь Шичу бешено заколотилось. Он смотрел на неё, лицо его мгновенно побелело:

— Ваше Величество, что бы вы ни задумали... просто скажите. Если я в силах это сделать, я готов на всё. Но...

— Я должна забеременеть как можно скорее, — Чжэнь Хуань смотрела на него, чётко выговаривая каждое слово. — Я хочу носить ребёнка. Только наследник престола может позволить мне выйти из этого холодного дворца, заставить Императора отменить свой приказ и спасти моего отца, жизнь которого на волоске в Нингуте.

Вэнь Шичу содрогнулся, отступил на шаг, не в силах поверить услышанному:

— Хуань-эр! Ты сошла с ума?! Это обман Императора! Если правда вскроется, это повлечёт за собой казнь девяти поколений! Моя жизнь ничего не стоит, но ты...

— У меня больше нет пути назад, — слёзы наконец покатались из глаз Чжэнь Хуань, голос её дрожал. — Мой отец умирает в Нингуте, а я заперта в Зале Баохуа, где мои мольбы не слышат ни небо, ни земля. Император давно возненавидел меня. Даже если я перепишу все сутры в знак раскаяния, максимум, на что я могу надеяться — это отмена домашнего ареста, но у меня не будет права просить его о помиловании семьи Чжэнь. Только забеременев, только родив ещё одного сына, я получу шанс всё изменить.

Она сделала шаг вперёд, схватила его за рукав, её пальцы дрожали:

— Брат Шичу, в этом дворце я могу верить только тебе. С тех пор, как перед входом во дворец ты обещал защищать меня всю жизнь, и до сих пор, когда я стала отвергнутой наложницей, только ты не покинул меня. Я знаю, что эта просьба безумна и греховна, но у меня нет другого выхода. Умоляю тебя, помоги мне в этот раз.

Вэнь Шичу смотрел на неё, заливающуюся слезами, и чувствовал, словно в его сердце прорезали рану. Он любил её столько лет — от юной невинной девушки до опальной наложницы — он всегда стоял за её спиной и никогда ни в чём ей не отказывал. Но этот шаг — это ставка на жизни двух людей и судьбы двух родов.

Он закрыл глаза:

— Ваше Величество, вы хорошо подумали? Как только мы ступим на этот путь, возврата не будет. Даже если всё получится, вам придётся хранить эту тайну всю жизнь, не зная покоя ни днём, ни ночью.

— Я хорошо подумала, — Чжэнь Хуань разжала пальцы и медленно опустилась перед ним на колени. — Лишь бы спасти отца, лишь бы смыть позор с семьи Чжэнь, я ничего не боюсь. Брат Шичу, я умоляю тебя.

Глядя на неё, коленопреклонённую — на ту, что когда-то была любимицей шести дворцов, гордой и ослепительной Гуань-пинь, а теперь, ради родных, отбросила всякое достоинство, чтобы просить его о столь грязном деле, — Вэнь Шичу окончательно сдался.

Он помог ей подняться, в его глазах светилась решимость человека, сжигающего за собой мосты:

— Хорошо. Я согласен. Моя жизнь и так существует лишь для того, чтобы защищать вас. Даже если мы обречены, я пойду до конца вместе с вами.

В ту ночь двери Зала Баохуа были наглухо закрыты, Цзинь Си стояла на страже снаружи, разворачивая всех слуг, пришедших с водой или дозором.

При свете тусклой лампы и аромате сандала, среди сброшенных монашеских одежд, свершился этот скандальный союз.

Чжэнь Хуань закрыла глаза, позволяя слезам катиться по щекам — в её сердце осталась лишь отчаянная решимость. Вэнь Шичу обнимал её, испытывая одновременно трепет от исполнения желаний и тревогу за туманное будущее.

С тех пор Вэнь Шичу под предлогом проверки здоровья приходил в Зал Баохуа каждые несколько дней, и слуги лишь верили, что он усердно заботится о состоянии Гуань-пинь — никто не смел и заподозрить неладное.

Прошло два месяца.

Однажды утром Вэнь Шичу проверял пульс Чжэнь Хуань. Его пальцы коснулись её запястья, и через мгновение он резко поднял взгляд. В его глазах вспыхнули радость и напряжение, он кивнул и прошептал:

— Ваше Величество, вы беременны. Больше месяца, плод развивается стабильно.

Сердце Чжэнь Хуань, сжимавшееся два месяца от страха, наконец обрело покой. Она коснулась своего плоского живота, и в глазах её блеснули слёзы.

Теперь пришло время заманить зверя в капкан.

На следующий день, когда представилась возможность попасть во Дворец Янсинь для осмотра Императора, Вэнь Шичу передал ему собственноручно переписанные Чжэнь Хуань «Сутру о перерождении» и «Сутру мира», написанные кровью. Он низко поклонился:

— Император, Гуань-пинь в Зале Баохуа день и ночь молится за упокой души Вдовствующей императрицы и за благополучие империи. Последние два месяца она переписала бесчисленное множество свитков. Это те, что она переписала кровью со своих пальцев, и велела передать вам.

Она также просила передать, что раньше была молода и безрассудна, перечила вам, а теперь день и ночь раскаивается. Она знает, как тяжелы её грехи, и не смеет надеяться на прощение, лишь желает вам здоровья и вечного процветания империи.

Юнчжэн принял свиток. Его пальцы скользили по аккуратным строкам, от бумаги исходил слабый аромат сандала и едва уловимый запах крови.

Глядя на знакомый почерк, он вспомнил, как когда-то Чжэнь Хуань растирала для него тушь, пока он писал стихи, и в его сердце, казалось бы, давно остывшем, вновь всколыхнулись старые чувства.

Он злился на её дерзость, но в конце концов помнил о былой привязанности. Тем более, Вдовствующая императрица только что скончалась, и то, что Чжэнь Хуань день и ночь молится за неё, тронуло струны его души.

В тот же вечер Юнчжэн отослал всех слуг, взяв с собой только Су Пэйшэна, и бесшумно отправился в Зал Баохуа.

Внутри горело лишь несколько ламп. Чжэнь Хуань в простом монашеском одеянии, с лицом без капли косметики, стояла на коленях перед Буддой, читая молитвы.

Услышав шаги, она медленно обернулась и, увидев стоящего у входа Юнчжэна, мгновенно залилась слезами. Она бухнулась на колени, прижавшись лбом к полу, и проговорила срывающимся голосом:

— Ваша раба заслуживает смерти, раз потревожила вас своим ничтожным присутствием.

Юнчжэн посмотрел на её исхудалое лицо, и гнев в его сердце отступил. Он поднял руку:

— Вставай. Я читал сутры, что ты переписала.

Чжэнь Хуань не поднялась, продолжая стоять на коленях, каждое её слово было искренним раскаянием:

— Император, раньше я была ослеплена гордыней, не ведала, что творю, перечила вам и ранила ваше сердце. Последние месяцы перед Буддой я день и ночь размышляла и осознала, как глубоко была неправа. Милость, которую вы даровали мне — это благословение, накопленное за много жизней, а я не ценила его. Я заслуживаю смерти.

Она подняла глаза, полные слёз, глядя на него. В этот момент она была так похожа на Чуньюань в её самые печальные минуты.

Сердце Юнчжэна дрогнуло. Он протянул руку, чтобы помочь ей подняться, коснулся её холодных ладоней и низким голосом сказал:

— Довольно. Не будем вспоминать прошлое. Хорошо, что ты осознала свои ошибки.

В ту ночь Юнчжэн остался в Зале Баохуа.

Чжэнь Хуань приложила все силы, чтобы быть нежной, спрятав ненависть и расчёты глубоко внутри, оставив лишь преданность.

Юнчжэн поверил в её искреннее раскаяние, старые чувства вспыхнули с новой силой, и ночь нежности заставила его окончательно попасть в расставленную Чжэнь Хуань ловушку.

Прошёл ещё месяц.

Вэнь Шичу по указу вошёл в Зал Баохуа, а выйдя, немедленно направился во Дворец Янсинь. Он пал ниц с сияющим лицом:

— Император! Гуань-пинь беременна уже больше месяца, плод стабилен! Вдовствующая императрица благословила вас с небес, а ваша добродетель принесла этот дар!

Услышав это, Юнчжэн, который с тех пор не раз навещал её, принял новость как подтверждение своих надежд: он решил, что искреннее раскаяние Чжэнь Хуань тронуло небеса, и они даровали ей наследника.

Юнчжэн тут же отдал приказ:

— Гуань-пинь Чжэнь Хуань искренне раскаялась, день и ночь молилась за Вдовствующую императрицу, а ныне понесла наследника. Её заслуги велики. Немедленно снять домашний арест, перевести её обратно в Беседку Осколков Нефрита и восстановить в статусе Гуань-пинь!

Отвергнутая наложница, сосланная в холодный дворец, от которой все отвернулись, внезапно забеременела и с великим почётом вернулась в свою Беседку Осколков Нефрита, вновь обретя императорскую милость.

Императрица, сидя во Дворце Цзинжэнь, никак не ожидала, что Чжэнь Хуань сможет вырваться из Зала Баохуа, да ещё и забеременеть. Цзянь Цю в стороне тихо утешала её:

— Ваше Величество, не гневайтесь. Даже если она вернула милость, она остаётся лишь пинь, и неизвестно, кто родится — мальчик или девочка.

Императрица беспокоилась, что та вернётся, чтобы бороться за седьмого принца Хунъяня, но могла лишь временно подавить гнев и ждать развития событий.

А во Дворце Яньси Ань Линжун сидела в тёплых покоях, обнимая шестого принца Хунъюя, и слушала каждое слово своего евнуха Баоиня.

Баоинь был тем, кого она давно подслала следить за Залом Баохуа. За эти месяцы каждое посещение Вэнь Шичу, каждый визит Императора и даже каждое движение внутри дворца были у него на виду и в точности передавались Ань Линжун.

— Госпожа, господин Вэнь входил в Зал Баохуа семнадцать раз, из них пять раз — после заката, и выходил лишь на следующее утро, — Баоинь поклонился, его голос был едва слышен.

Цин Лань, стоявшая рядом, от ужаса похолодела:

— Госпожа, это... это же преступление, караемое казнью за обман Императора! Чжэнь Хуань сошла с ума! Как она посмела сделать такое! Не доложить ли нам Императору?

Ань Линжун мягко похлопала Хунъюя по спине. Чжэнь Хуань не сошла с ума — она зашла в тупик, как когда-то сама Ань Линжун. Она понимала: Чжэнь Хуань ни за что не смиритсся с тем, чтобы сгнить в Зале Баохуа.

— К чему спешить? — Ань Линжун подняла взгляд в сторону Беседки Осколков Нефрита. — Эта тайна в наших руках гораздо полезнее, если её не раскрывать. Чжэнь Хуань приложила столько усилий, чтобы выбраться, и использовала этого ребёнка, чтобы вернуть милость. Значит, этот ребёнок — её самое уязвимое место и самый смертоносный козырь. Нам нужно лишь тихо наблюдать и ждать: однажды чем выше она заберётся, тем больше будет падать.

Чжэнь Хуань была восстановлена в статусе Гуань-пинь, но её положение уже вплотную приближалось к статусу наложницы высокого ранга. Однако её терзали две мысли: семья Чжэнь по-прежнему в Нингуте, а седьмой принц Хунъянь воспитывается у Императрицы во Дворце Цзинжэнь.

В тот день после утреннего собрания Юнчжэн пришёл к ней. Чжэнь Хуань вышивала детский нагрудник и, увидев Императора, тут же отложила работу, подошла к нему и помогла сесть.

— Император, есть одно дело, которое грызёт меня много дней, и я никак не решалась начать разговор.

Юнчжэн, видя её печальное выражение лица, смягчился и коснулся её хрупких плеч:

— Ты носишь моего ребёнка, говори всё, что хочешь.

Чжэнь Хуань опустила взгляд, слёзы медленно покатались по щекам:

— Мой отец в холодных землях Нингуты давно болен, я день и ночь беспокоюсь о нём. Прошу, будьте милосердны, отправьте туда императорского врача и смягчите условия их заточения. Я готова пойти на смерть, чтобы отплатить за вашу доброту.

Юнчжэн, глядя на её слёзы, так напоминавшие слёзы Чуньюань, через некоторое время согласился:

— Я исполню твою просьбу. Немедленно отправлю врача из Императорской больницы в Нингуту, чтобы позаботиться о здоровье Чжэнь Юаньдао. Местным чиновникам запрещено притеснять семью Чжэнь.

Чжэнь Хуань опустилась на колени, и слёзы упали на её одежду:

— Благодарю вас за милость, Император.

Жизнь её семьи была в безопасности, последний камень с души упал. Теперь пришло время проложить путь к возвращению Хунъяня.

Она и Вэнь Шичу рассчитали время: срок беременности уже был большим, и если тянуть дальше, то месяцы не совпадут с датами визитов Императора в Зал Баохуа, что вызовет подозрения.

Единственный выход — преждевременные роды. Это позволит и свести сроки, и устроить скандал — убить двух зайцев одним выстрелом.

Через несколько дней, во время прогулки в Императорском саду, Императрица по обычаю взяла с собой всех наложниц.

Чжэнь Хуань намеренно придерживала живот и медленно шла под деревьями, выбирая места, где побольше народу. Цзинь Си и Лючжу прикрывали её с обеих сторон, зорко следя за Императрицей и Цзянь Цю.

Дойдя до каменного моста у воды, Чжэнь Хуань внезапно оступилась, её тело резко отклонилось назад, она вскрикнула от боли и рухнула прямо на Императрицу. Все увидели хаос, и вот уже Чжэнь Хуань сидит на земле, а её платье окрашивается кровью.

— Ваше Величество! — Цзинь Си бросилась к ней и вскрикнула.

Чжэнь Хуань была бледна как полотно, холодный пот пропитал её волосы, одна рука судорожно сжимала живот, а другой она указывала на Императрицу, крича от боли:

— Императрица... как я... как я прогневила вас... зачем вы толкнули меня...

Одно слово подняло бурю.

Императрица застыла на месте, лицо её изменилось:

— Чжэнь Хуань! Не говори глупостей! Я даже не коснулась тебя!

Крики Чжэнь Хуань услышал подоспевший после аудиенции Юнчжэн.

Увидев окровавленное платье Чжэнь Хуань, он в ужасе подбежал, поднял её на руки и закричал:

— Что происходит?!

Чжэнь Хуань лежала в его объятиях, едва дыша, слёзы лились ручьём, она лишь повторяла:

— Император... Императрица... она... толкнула меня... мне так больно... мой ребёнок... мой ребёнок может не выжить...

Её слова, казалось, были пропитаны кровью, она выглядела такой отчаявшейся, и, вспоминая её недавнее смиренное поведение, наложницы и слуги поверили ей.

Императрица не могла оправдаться и лишь кричала о своей невинности, но её растерянный вид лишь вызывал подозрения.

Юнчжэн понёс Чжэнь Хуань в Беседку Осколков Нефрита, не произнося ни слова, его лицо было чернее тучи.

Внутри покоев слышались крики, повсюду была кровь. Вэнь Шичу вбегал и выбегал, весь в поту:

— Император! У неё угроза выкидыша, положение плода нестабильно, нужно немедленно вызывать роды! Но срок такой ранний, выживет ли ребёнок, зависит лишь от воли небес!

— Сделай всё возможное! Спаси мать и дитя!

Целую ночь длились крики, и когда забрезжил рассвет, тишину прорезал слабый, но звонкий детский плач.

Повитуха вынесла младенца и поклонилась:

— Поздравляю Императора! У вас родился принц! Кричит очень громко! Мать и дитя в безопасности!

Сердце Юнчжэна наконец успокоилось. Он тут же издал указ о присвоении Чжэнь Хуань титула «Гуань-фэй» и переезде во Дворец Яньси, а принцу дал имя Хунъань.

Когда Чжэнь Хуань пришла в себя, Юнчжэн сидел у её кровати, держа её за руку:

— Не волнуйся, я буду твоей опорой.

Чжэнь Хуань прослезилась, выглядя слабой и беззащитной:

— Император... я не виню Императрицу, может, это была случайность... но когда я вспоминаю Хунъяня... сердце разрывается.

Она подняла взгляд, и каждое слово било в цель:

— Теперь у меня есть Хунъянь, но Хунъянь был забран у меня сразу после рождения, я ни разу не кормила его грудью. Он такой слабый, а Императрица так занята делами дворца, разве она может уследить за всем? Тогда я лишь просила её присмотреть за ним.

В этот раз я чуть не погибла, и если бы я умерла, оба моих ребёнка остались бы на попечении чужих людей... Император, я лишь прошу вернуть Хунъяня в Беседку Осколков Нефрита, чтобы я могла сама его растить.

Я готова всю жизнь поститься и молиться, больше не буду бороться за внимание, но я не могу вынести разлуки с собственным сыном.

Она говорила так искренне, с сердцем матери, особенно та часть, что она «не хочет разлуки с сыном», пробила Юнчжэна до глубины души.

Император был полон жалости:

— Это я виноват перед тобой. Хунъянь — твоя плоть и кровь, и то, что его воспитывала Императрица, было лишь временной мерой. Я немедленно издам указ, чтобы седьмого принца Хунъяня вернули тебе.

Внутри Чжэнь Хуань ликовала, но внешне заплакала ещё горше и поклонилась:

— Благодарю вас за великую милость, Император!

Весть дошла до Дворца Цзинжэнь.

Выслушав отчёт Цзянь Цю, Императрица задрожала от ярости, ваза на столе была сброшена на пол и разлетелась вдребезги.

— Ах, эта Чжэнь Хуань!

Она смотрела, как безумная, её голос стал визгливым:

— Она оклеветала меня, что я толкнула её! Использовала преждевременные роды, чтобы вызвать жалость, а рождение принца, чтобы заставить меня отдать Хунъяня! Я недооценила её, она такая же отвратительная, как и Жоуцзэ!

Цзянь Цю побледнела:

— Ваше Величество, Император уже издал указ, скоро седьмого принца заберут во Дворец Яньси, давайте подумаем, как его удержать.

— Она думает, что, забрав Хунъяня и родив Хунъяня, может спать спокойно?

Она смогла перехитрить меня раз, но я сделаю так, что она пожалеет о своём существовании.

Она медленно выпрямилась:

— Чжэнь Хуань, в этом дворце или ты, или я. Посмотрим, кто кого.

В тот же день после обеда Чжэнь Хуань баюкала Хунъяня и смотрела, как Хунъянь гоняется за бабочками с маленькой вертушкой. На её лице играла лёгкая улыбка.

Цзинь Си подошла к ней и тихо доложила:

— Ваше Величество, пришла госпожа Хуэй.

Глаза Чжэнь Хуань на мгновение вспыхнули, она поспешила навстречу.

— Сестра, как ты пришла? — Чжэнь Хуань взяла её под руку, в её голосе звучала нескрываемая радость.

— Ты теперь фэй, вернула Хунъяня, если я не приду проведать тебя, это будет выглядеть так, будто мы стали чужими, — Шэнь Мэйчжуан улыбнулась и села, её взгляд прошёлся по новым украшениям дворца, а потом задержался на лице Чжэнь Хуань. Улыбка постепенно угасла. — Но я вижу, что ты улыбаешься, а в глазах скрыта тревога. Что, жизнь вроде бы налаживается, а на душе беспокойно?

Чжэнь Хуань махнула рукой, велев слугам уйти и оставив лишь Цзинь Си у входа. Улыбка на её лице медленно исчезла.

<http://bllate.org/book/21976/2283859>